

Ливадийский дворец, в котором проходила Крымская конференция.

Снимок на память. «Большая тройка» и представители коалиции союзных держав. Февраль 1945 года.

Фото С. ГУРАРИЯ.

Эта «тройка» больше всякой «восьмерки»

Анатолий КОШКИН

ЯПТИНСКОЕ СОГЛАСИЕ

Пакет от президента

В политическом плане Крымская конференция имела необычайно важное значение. По сути дела, в Ялте были разрушены надежды Германии и Японии на развал коалиции союзных держав. Накануне начала работы конференции Гитлер убеждал своих ближайших помощников в том, что по мере «русского коммунистического продвижения» в Европе «шансы на изменение позиции Запада (США и Великобритании) — А.К.) увеличиваются с каждым километром приближения советских солдат к Берлину». Эти расчеты имели под собой основание. Как свидетельствовал близкий к Черчиллю Ч. Моран, премьер Великобритании «больше не говорит о Гитлере, он толкует об опасности коммунизма. Он представляет себе картины, как Красная Армия, подобно раковой опухоли, распространяется из одной страны в другую. У него это стало навязчивой идеей, и, по-видимому, он не может думать ни о чем другом».

Хорошо понимая опасность подобных настроений не только для настоящих, но и будущих послевоенных отношений между союзниками, президент США предпринимал решительные шаги по противодействию попыткам разрушить созданную в годы войны коалицию. В январе 1945 г., незадолго до начала Крымской конференции, Рузвельт выступил по радио с обращением к американскому народу, в котором заявил: «Я хотел бы самым серьезным образом предостеречь от вредоносных последствий вражеской пропаганды... Каждый, даже пустяковый, слух, рассчитанный на то, чтобы подорвать нашу веру в союзников, подобен настоящему вражескому агенту в наших рядах — делается попытка подорвать наши военные усилия. То там, то здесь распространяются злобные и необоснованные слухи — против русских, против англичан, против наших боевых командующих. Если вы внимательно изучили эти слухи, то каждый из них отмечен клеймом — «Сделано в Германии».

Занятая Рузвельтом позиция нарушала расчеты не только немцев, но и японцев, которые также возлагали немалые надежды на разлад в коалиции союзников. С другой стороны, это укрепляло доверие к Рузвельту у советской стороны. Сохраняя лояльное и уважительное отношение к Черчиллю как лидеру народа Великобритании и союзнику в войне, вместе с тем Сталин считал необходимым и правильным решать главные вопросы в первую очередь с президентом США. Это проявилось и в вопросе о согласовании позиций по поводу вступления СССР в войну с Японией.

Направляясь в Ялту, Сталин еще не знал, как отреагирует Рузвельт на выдвинутые советской стороной условия вступления СССР в войну с Японией, в частности по вопросам, затрагивавшим интересы Китая. Можно сказать, от того, какую позицию займут союзники по дальневосточным проблемам, во многом зависел политический климат на заседаниях конференции. Это понимал и Рузвельт. Стремясь не раздражать советского лидера «мелкими вопросами», а сосредоточиться в первую очередь на координации действий в войне против Японии, он считал целесообразным еще до начала обсуждения дальневосточных проблем письменно сообщить Сталину о согласии с политическими условиями и пожеланиями СССР. Как рассказывал тогдашний посол СССР в США Громыко, уже утром следующего дня после открытия конференции Сталин через специального посыльного получил «весьма срочный пакет от президента». Вот как описывает этот эпизод Громыко:

«...Когда я вошел в его кабинет, Сталин там был один. Поздоровавшись, я спросил:

— Как вы себя чувствуете после довольно напряженного начала конференции?

Сталин ответил:

— Вполне нормально.

Но я заметил, что его занимают совсем другие заботы, а не тема о личном самочувствии.

Сталин протянул мне какую-то бумагу и сказал:

— Вот письмо от Рузвельта. Я только что его получил. А затем, чуть помедлив, добавил:

— Я хотел бы, чтобы вы перевели мне это письмо устно. Хочу до заседания хотя бы на слух знать его содержание.

Я с ходу сделал перевод. Stalin, по мере того как я говорил, просил повторить содержание той или иной фразы. Письмо посыпалось Курильским островам и Сахалину. Рузвельт сообщал о признании правительством США прав Советского Союза на находившуюся под японской оккупацией половину острова Сахалин и Курильские острова.

Этим письмом Stalin остался весьма доволен. Он рассказывал по кабинету и повторял вслух:

— Хорошо, очень хорошо!

Я заметил:

— Занятой теперь позицией США как бы реабилитируют себя в наших глазах за то, что они сочувствовали Японии в 1905 году. Тогда в Портсмуте, после русско-японской войны, велись мирные переговоры между японской делегацией и делегацией России, которую возглавлял глава правительства граф Витте. В то время США, по существу, помогали Японии оторвать от России ее территории.

По всему было видно, что Stalin мнение о попытке США «реабилитировать себя» полностью разделяет.

Он несколько секунд помолчал, обдумывая содержание письма. Потом начал высказывать свои мысли вслух. Он заявлял:

— Это хорошо, что Рузвельт пришел к такому выводу.

Закончил Stalin эту тему разговора словами:

— Америка заняла хорошую позицию. Это важно и с точки зрения будущих отношений с Соединенными Штатами.

...Не скрою, выходя из кабинета, я подумал, что настроение Stalina, его удовлетворенность позицией правительства США, изложенной в письме Рузвельта, конечно же, окажут большое влияние на Крымскую встречу трех...

Stalin с каким-то, я бы сказал, особым удовлетворением держал в руке письмо Рузвельта, после того как ознакомился с его содержанием. Несколько раз он прошелся с ним по комнате, служившей кабинетом, как будто не желал выпускать из рук то, что получил. Он продолжал держать письмо в руке и в тот момент, когда я от него уходил...

Можно сказать, что позиция президента США и его администрации по вопросу о Сахалине и Курильских островах, а также по вопросу о втором фронте в немалой степени объясняла отношение Stalina к Рузвельту и как к человеку».

Приведенное выше свидетельство Громыко опровергает существующую в историографии, в том числе и в советской, версию о том, что якобы в Ялте «американцы пытались добиться согласия СССР на превращение Южного Сахалина в подопечную территорию, на установление международного контроля над частью Курильских островов», но в результате острой борьбы победила советская точка зрения. Идея «интернационализации» этих ранее принадлежавших России территорий с самого начала была отвергнута Рузвельтом. Документы Ялтинской конференции свидетельствуют о том, что никакой «острой борьбы» по поводу Южного Сахалина и Курильских островов между Stalinem и Рузвельтом не было. Черчилль же вообще не принимал активного участия в определении будущего этих островов.

«Ключ» для понимания того, почему Рузвельт сразу же согласился на предложение Stalina о возвращении СССР Южного Сахалина и Курильских островов, лежит в искренней заботе Рузвельта о будущем советско-американских отношений, стремлении перенести дух сотрудничества с СССР в годы войны и на послевоенный период, считая, что гарантами обеспечения прочного мира в будущем должны стать именно США и СССР.

В связи с этим сомнительной представляется версия о том, что, соглашаясь на передачу Советскому Союзу Курильских островов, Рузвельт якобы имел тайное намерение

Рузвельт говорит, что имеется еще один вопрос, о котором он хотел бы переговорить с Маршалом Сталиным, — это вопрос о Корее.

Сталин заявляет, что сначала он хотел бы ответить на вопрос, каким образом Советский Союз мог бы пользоваться теплым портом на Дальнем Востоке. Он говорит, что международный контроль приемлем для Советского Союза».

Довольно быстро были согласованы подходы к будущему Кореи. Стороны согласились, что над этой страной будет установлена международная опека, а попечителями выступят Китай, Советский Союз и США. При этом Сталин заметил, что, «чем короче будет срок опеки, тем лучше». Общность взглядов двух лидеров проявилась и при оценке ситуации в Китае и Индокитае, а также по некоторым другим вопросам.

Вернуть отторгнутое

Согласование вопросов о вступлении СССР в войну с Японией происходило без участия Черчилля. Это создало впечатление, что английский премьер-министр в меньшей степени, чем Рузвельт, был заинтересован в привлечении СССР к борьбе против Японии и якобы вообще уделял мало внимания дальневосточным проблемам. В действительности же это было не так.

Пытаясь объяснить свою отстраненность в обсуждении проблемы участия СССР в войне против Японии, Черчилль утверждал в мемуарах: «Дальний Восток не играл никакой роли в наших официальных переговорах в Ялте». О том, что в действительности это было не так, говорят многие заявления представителей американского политического и военного руководства, которые рассматривали решение в Ялте дальневосточных проблем как свою первоочередную задачу. Отнюдь не безразлично относились к перспективе развития ситуации в Восточной Азии и на Тихом океане и в Лондоне. Ведь для Великобритании речь шла не только о военных операциях, но и о сохранении или потере обширных колониальных владений в этом регионе. Понимая, что роль Великобритании в победе над Японией будет невелика, Черчилль, похоже, смирился с будущим доминированием США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Не это ли является причиной того, что в своих мемуарах он писал о решении в Ялте дальневосточных проблем весьма скромно и сухо.

Он написал:

«Я знал, что американцы намерены поднять перед русскими вопрос об их участии в войне на Тихом океане. Мы затронули этот вопрос в общих чертах в Тегеране, и в декабре 1944 года Сталин сделал Гарриману в Москве некоторые конкретные предложения относительно послевоенных претензий России в этом районе. Американские военные власти определили, что для разгрома Японии потребуется полтора года после капитуляции Германии. Помощь русских сократила бы тяжелые потери американцев. Вторжение в собственно Японию в то время было еще в стадии планирования, и генерал Макартур вступил в Манилу лишь на второй день работы Ялтинской конференции. Первый экспериментальный взрыв атомной бомбы предстоял лишь через пять месяцев. Большая японская армия в Маньчжурии могла бы быть переброшена на защиту самой Японии, если бы Россия все еще оставалась нейтральной.

Учитывая все это, президент Рузвельт и Гарриман обсудили со Сталиным 8 февраля вопрос о территориальных требованиях России на Дальнем Востоке. Россия согласилась вступить в войну против Японии через два или три месяца после капитуляции Германии.

В тот же день в ходе конфиденциальной беседы со Сталиным я спросил его, чего русские хотят на Дальнем Востоке. Он ответил, что они хотят получить военно-морскую базу, такую, например, как Порт-Артур. Американцы предпочли бы, чтобы порты находились под международным контролем, однако русские хотели бы, чтобы их интересы были гарантированы. Я ответил, что мы будем приветствовать появление русских кораблей в Тихом океане и высказывался за то, чтобы потери, понесенные Россией во время русско-японской войны, были восполнены».

Английским премьером без каких-либо замечаний были одобрены все пункты договоренности Рузвельта со Сталиным о вступлении СССР в войну против Японии. 11 февраля в Ливадийском дворце Сталиным, Рузвельтом

и Черчиллем было подписано Ялтинское соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока. Текст соглашения гласил:

Руководители трех великих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании — согласились в том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при условии:

1. Сохранения status quo (статус-кво) Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики).

2. Возвращения принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., в именно:

а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов,

б) интернационализации торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур, как на военно-морскую базу СССР,

в) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет.

3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И. В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы правительства Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига.

И.СТАЛИН

Франклин РУЗВЕЛЬТ

Уинстон ЧЕРЧИЛЛЬ.

1945 года, 11 февраля.

Таким образом, без какого-либо «торга» и разногласий союзники четко определили условия, на которых СССР соглашался вступить в войну с Японией, и официально подтвердили, что эти условия будут выполнены «безусловно».

В исторических работах, в частности японских исследователей, до сих пор предпринимаются попытки объяснить «уступчивость» Рузвельта в Ялте его слабым здоровьем. При этом не учитывается тот факт, что достигнутые в Ялте соглашения, в том числе по Дальнему Востоку, были поддержаны и одобрены ведущими американскими политическими деятелями и высшим командованием вооруженных сил США (госсекретарь Стетиниус, генерал Маршалл и другие). Более того, перед началом Ялтинской конференции соображения Рузвельта были одобрены на заседании Объединенного комитета начальников штабов, состоявшемся в январе 1945 года на острове Мальта. Если бы Рузвельт действительно в силу своей физической слабости пошел на ущемляющие интересы Запада уступки, этому мог воспротивиться Черчилль. Однако он этого не сделал, ибо документ о вступлении СССР в войну полностью отвечал интересам разгрома Японии без риска кровопролитных сражений с огромными жертвами. В действительности, получив гарантии необходиимого им участия СССР в войне, в большем выигрыше считали себя именно американцы и англичане. Участие мощных сухопутных сил СССР в войне на Востоке рассматривалось весной 1945 г. в Вашингтоне и Лондоне как важнейшее условие победы над Японией в кратчайшие сроки и с минимальными потерями. Поэтому утверждения некоторых историков о том, что в Ялте Рузвельт якобы пошел на «неоправданные уступки» Сталину, «купил» его участие в войне, представляются неубедительными и далекими от понимания реально складывавшейся к весне 1945 года военно-стратегической обстановки в мире.

ежедневных совещаний практически не затрагивался, западные союзники считали его приоритетным. Рузвельт, похоже, откладывал его обсуждение на конец конференции сознательно, стремясь сначала договориться со Сталиным по другим проблемам, а уж затем на базе достигнутых договоренностей в атмосфере согласия ставить вопрос о Японии. При этом он сразу после начала работы конференции дал понять Сталину, что рассчитывает уже в ходе конференции окончательно решить вопрос о вступлении СССР в войну с Японией.

Тактика Рузвельта на конференции полностью оправдалась. Видя конструктивную позицию американского президента практически по всем рассматривавшимся вопросам, Сталин был готов отвечать взаимностью. Тем более что по вопросу о вступлении СССР в войну решение уже было принято. По сути дела, оставалось лишь определить конкретные сроки объявления Советским Союзом войны Японии.

Объединенный комитет начальников штабов США настоятельно просил Рузвельта добиться скорейшего вступления СССР в войну. Накануне отъезда президента в Ялту высшие чины американских вооруженных сил представили ему документ, в котором, в частности, говорилось: «...Мы желаем вступления России как можно скорее в меру ее способности вести наступательные операции и готовы оказать максимально возможную поддержку, не нанеся ущерба нашим основным операциям против Японии...»

Соглашаясь с тем, что вступление СССР в войну против Японии может состояться лишь после окончательного разгрома Германии, главы правительства США и Великобритании не скрывали от Сталина своей заинтересованности в том, чтобы это произошло как можно раньше. Из официальных американских документов следует, что «основная задача американского правительства состояла в том, чтобы добиться скорейшего вступления СССР в войну с Японией с тем, чтобы не допустить передислокации Квантунской армии в метрополию в момент вторжения».

Сталин с пониманием относился к этим опасениям. Если в Тегеране он дал принципиальное согласие вступить в войну против Японии «через шесть месяцев после завершения войны в Европе», то в Ялте, несмотря на большие сложности переброски советских войск на Восток, этот срок был сокращендвое. Войну с Японией Сталин пообещал начать «через два-три месяца после капитуляции Германии». Это решение с большим удовлетворением было воспринято союзниками.

Практически все основные вопросы, связанные с вступлением СССР в войну, были согласованы во время встречи Сталина с Рузвельтом 8 февраля 1945 г. в Ливадийском дворце.

Эта беседа носила весьма откровенный характер и во многом предопределила будущие события. Весьма существенным было заявление Рузвельта о том, что он не хочет высаживать войска в Японии и пойдет на такой шаг только в случае крайней необходимости. Тем самым прямо давалось понять, что проведение крупномасштабных наземных операций против японских войск, в первую очередь в Маньчжурии, будет возложено на Вооруженные силы СССР. Свое нежелание сражаться с японцами президент открыто объяснял стремлением обойтись без больших потерь. Услышав твердое обещание Сталина вступить в войну, Рузвельт, как это и было запланировано, полностью согласился с заявленными советской стороной условиями и даже обещал помочь в их реализации.

Ниже приводятся наиболее важные эпизоды этой без преувеличения исторической беседы руководителей США и СССР:

«...Рузвельт заявляет, что американцы намерены установить авиабазы на островах Бонин к югу от Японии и на островах вблизи Формозы (Тайвань.— А.К.). Он думает, что настало время для проведения крупных бомбардировок Японии. Он, Рузвельт, не хочет высаживать войска в Японии, если он сможет обойтись без этого. Он высадит войска в Японии только в случае крайней необходимости. На островах у японцев имеется 4-миллионная армия, и высадка будет сопряжена с большими потерями. Однако если подвергнуть Японию сильной бомбардировке, то можно надеяться, что все будет разрушено, и, таким образом, можно будет спасти много жизней, не высаживаясь на острова.

Сталин отвечает, что он не возражает против того, чтобы американцы имели свои авиабазы в Комсомольске. В послании, которое он получил от Рузвельта (от 5 февраля.— А.К.), выражено желание иметь базы в Комсомольске. Базы могут быть предоставлены там или в Николаевске. Что касается Камчатки, то там базы можно было бы предоставить американцам лишь в последнюю очередь. На Камчатке сидит сейчас японский консул. Была надежда, что он уйдет, но он остался. Кроме того, Ново-Николаевск или Комсомольск расположены ближе к Японии.

Рузвельт говорит, что самый главный вопрос — это посыпка судов из Соединенных Штатов на советский Дальний Восток со снабжением для авиабаз.

Сталин говорит, что в послании президента сказано, что нужно будет держать открытыми линии снабжения. Непонятно, что это означает.

Рузвельт отвечает, что речь идет лишь о том, чтобы доставить суда со снабжением в Ново-Николаевск.

Сталин говорит, что все это хорошо, но он хотел бы знать, как обстоит дело с политическими условиями, на которых Советский Союз готов вступить в войну против Японии. Речь идет о тех политических вопросах, о которых он, Сталин, беседовал с Гарриманом в Москве.

Рузвельт отвечает, что южная часть Сахалина и Курильские острова будут отданы Советскому Союзу. Что касается теплого порта, то в Тегеране он, Рузвельт, предлагал, чтобы Советский Союз получил порт Дайрен, расположенный на конце Южно-Маньчжурской железной дороги. Но он, Рузвельт, пока еще не беседовал по этому вопросу с Чан Кайши. Он, Рузвельт, полагает, что существуют два пути использования Советским Союзом этого порта. Первый путь — создание свободного порта, подчиненного контролю международной комиссии. Второй путь — сдача китайцами указанного порта в аренду Советскому Союзу. Однако последний способ связан с вопросом о Гонконге. Причина того, почему он, Рузвельт, желает избежать аренды, заключается в том, что он надеется, что Англия отдаст Китаю Гонконг и что он может быть превращен в свободный порт для всего мира. Черчилль, наверное, будет против этого сильно возражать, и будет трудно убедить Черчилля, если Советский Союз получит в аренду порт на севере. Поэтому он, Рузвельт, думает, что в качестве первого шага целесообразнее было бы учредить открытый порт.

Сталин спрашивает, что думает президент о сохранении статус-кво Внешней Монголии.

Рузвельт отвечает, что он еще не говорил по этому вопросу с Чан Кайши, но думает, что статус-кво Внешней Монголии должно быть сохранено.

Сталин спрашивает, что думает Рузвельт об аренде Китайско-Восточной железной дороги.

Рузвельт отвечает, что пока он не говорил об этом с Чан Кайши, но он уверен, что по этому вопросу можно будет договориться. Имеются два способа использования железной дороги в интересах Советского Союза. Первый способ — установление контроля над железной дорогой со стороны смешанной комиссии, состоящей из русских и китайских представителей.

Сталин говорит, что если будут приняты советские условия, то советский народ поймет, почему СССР вступает в войну против Японии. Поэтому важно иметь документ, подписанный президентом, Черчиллем и им, Сталиным, в котором будут изложены цели войны Советского Союза против Японии. В этом случае можно будет внести вопрос о вступлении Советского Союза в войну против Японии на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР, где люди умеют хранить секреты.

Рузвельт отвечает, что не может быть никаких сомнений в отношении сохранения секретности в Ялте. Могут быть сомнения лишь в отношении китайцев.

Сталин отвечает, что, как только можно будет высвободить 20—25 дивизий с Западного фронта и перебросить их на Дальний Восток, китайцев можно будет информировать. В конце апреля в Москву приезжает Сун Цзычен (премьер-министр и министр иностранных дел в гоминьдановском правительстве Китая.— А.К.), с которым он, Сталин, очень хочет встретиться.

Рузвельт говорит, что очень рад, что Маршал Сталин примет Сун Цзычена.

тем самым создать сложности в советско-японских отношениях в будущем. Подобные замыслы существовали не у Рузвельта, а у традиционно антисоветски настроенных чиновников американского госдепартамента, которые впоследствии стремились осуществить эти замыслы через сменившего Рузвельта Трумэна. Присоединение Рузвельту коварного плана «столкнуть СССР с Японией», на долгие годы не допустить нормализации отношений этих двух соседних государств по своей необоснованности и недоказуемости сродни распространяемой в последние годы ложной версии о «плане Сталина столкнуть США с Японией в Тихоокеанской войне».

За годы Второй мировой войны между Рузвельтом и Сталиным сложились отношения взаимного уважения и честного партнерства, о чем в немалой степени свидетельствуют обширная переписка и личные контакты в Тегеране и Ялте. Известно послевоенное высказывание вдовы американского президента Элеоноры о том, что «Сталин нравился Рузвельту». Сталин также симпатизировал Рузвельту не только как политику, но и как человеку, о чем довольно подробно писал в своих мемуарах Громыко.

Личные доброжелательные отношения между лидерами двух крупнейших держав мира, безусловно, способствовали нахождению в Ялте решений весьма непростых политических вопросов послевоенного мира, будь то германский или польский вопросы, проблема создания ООН и др. При этом следует иметь в виду, что для западных союзников эта конференция была необычайно важной не только по политическим, но и по военным вопросам.

Беседа с глазу на глаз

Хотя разгром Германии в начале 1945 г. уже представлялся неизбежным, оставался открытым вопрос о том, когда это может произойти. Продвижение англо-американских войск неожиданно натолкнулось на серьезное сопротивление германских войск в Арденнах в конце 1944 года. Тогда катастрофы удалось избежать, лишь обратившись за срочной помощью к Сталину, который, отдав приказ о широком наступлении советских войск на Восточном фронте, не позволил немцам развить свой успех в Арденнах. В связи с неудачей на Западном фронте правительство Великобритании вынуждено было внести коррективы в планы завершения войны в Европе. Так, если до прорыва германских войск в Арденнах в Лондоне полагали завершить разгром Германии к 30 июня 1945 г., то уже в середине января 1945 г. военный кабинет Великобритании обсуждал возможность завершения войны не ранее 31 декабря.

Подобные настроения существовали и среди американского командования. В своих воспоминаниях Стетиниус отмечал: «В это время атомная бомба была еще неизвестной величиной. Наша неудача в Арденнах была у всех свежа в памяти. Мы еще не форсировали Рейн. Никто не знал, сколько продлится война в Европе и как велики будут ее жертвы».

Со всей серьезностью были восприняты в Вашингтоне и Лондоне сообщения разведки об успешной работе в Германии над созданием атомной бомбы. Все говорило за то, что войну в Европе необходимо было завершать как можно скорее. Выполнить эту задачу было возможно лишь силами Красной Армии, которой на Восточном фронте противостояла основная группировка германских войск. Это значительно укрепляло позиции Сталина на Ялтинской конференции.

С другой стороны, американское и английское руководство отчетливо сознавали, что от сроков победы над Германией напрямую зависели и перспективы разгрома Японии. Это понимание нашло свое выражение в подготовленной для президента Рузвельта и американской делегации «Памятке» для переговоров в Ялте. В ней особо подчеркивалось: «Мы должны иметь поддержку Советского Союза для разгрома Германии. Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе». Можно сказать, что по сравнению с этой стратегической задачей все остальные обсуждавшиеся в Ливадийском дворце проблемы выглядели второстепенными, во всяком случае для Рузвельта. Отсюда его нежелание раздражать советского лидера частными вопросами.

Это хорошо чувствовал Черчилль, который, преследуя интересы Великобритании, пытался толкнуть Рузвельта на

путь конфронтации со Сталиным, стараясь втянуть его в бесконечные споры по вопросу о Польше и т.д. Он даже не останавливался перед тем, чтобы приугнуть Рузвельта. В своем послании президенту США от 8 января 1945 г. он писал о Ялтинской конференции и ее возможных последствиях: «Совещание может оказаться решающим, ибо будет происходить в момент, когда между великими союзниками существуют такие расхождения и когда тень войны на наших глазах становится все длиннее. Сейчас мне представляется, что конец войны может оказаться более разочаровывающим, чем конец прошлой».

Однако Рузвельт твердо решил придерживаться собственного сценария на встречах со Сталиным, рассматривая его, в отличие от Черчилля, не как будущего врага, а как союзника и в послевоенном мире. Американское руководство, отводя Великобританию на завершающем этапе войны как в Европе, так и в Азии более чем скромную роль, не собиралось идти на поводу у британского премьера. В то же время американцы ставили в выше упомянутой «Памятке» задачу «приложить все усилия к тому, чтобы смягчить трения между Великобританией и Россией, поощряя трехстороннее сотрудничество, от которого зависит прочный мир».

Располагавшей крупными сухопутными силами в Китае японской армии к началу 1945 года удалось добиться здесь заметного успеха. В США и Великобритании готовились к упорным продолжительным сражениям на театрах Тихоокеанской войны. Так, в решениях англо-американской конференции в Квебеке, состоявшейся 11–16 сентября 1944 года, окончание войны с Японией планировалось не раньше чем через 18 месяцев после поражения Германии. Эти расчеты сохранялись и накануне Ялтинской конференции. Объединенный комитет начальников штабов США и Великобритании на совещаниях 30 января – 2 февраля 1945 года на острове Мальта вновь подтвердил дату окончания войны с Японией – «через 18 месяцев после поражения Германии». Другими словами, в случае поражения Германии в мае 1945 года войну с Японией предполагалось завершить не раньше конца 1946 года. Учитывая же, что допускалось затягивание войны с Германией до конца 1945 г., этот срок мог быть отнесен до середины 1947 года. Следует отметить, что и это был оптимистический прогноз, ибо в 1943 г. на Вашингтонской конференции глав США и Великобритании речь шла об окончательном разгроме Японии лишь в 1948 году.

Срок поражения Японии могло приблизить создание в США атомной бомбы. Незадолго до Ялтинской конференции Рузвельту было доложено, что первая атомная бомба будет готова примерно к 1 августа, а вторая – к концу 1945 года. Однако, несмотря на принципиальное значение, которое в США придавалось созданию атомной бомбы, в Вашингтоне все же исходили из того, что одна или несколько атомных бомб не смогут сыграть решающей роли в разгроме Японии. Решающую роль должны были сыграть не столько атомные бомбы, эффект которых еще был неизвестен, а советские войска, способные разгромить Квантунскую армию и сковать японские соединения в Китае, тем самым лишив японское командование возможности использовать их для обороны метрополии.

Заседания «большой тройки» в Ялте начались 4 февраля 1945 г. в резиденции Рузвельта во время конференции в Ливадийском дворце. Как и во время Тегеранской конференции, участники совещаний в Ялте не составили заранее согласованной повестки дня. Тем не менее Сталин был заблаговременно проинформирован об интересовавших президента США вопросах. 20 января 1945 г. Гарриман в общем плане сообщил Молотову, что президент хотел бы вынести на конференцию военные и политические вопросы, связанные с Европой, в частности, вопрос об обращении союзников с Германией и вопрос о Польше, а также переговорить со Сталиным по политическим и военным вопросам, относящимся к Дальнему Востоку. В перечне вопросов, переданном главой американской военной миссии в Москве генералом Дином генеральному штабу Красной Армии, указывалось, что начальники штабов США предлагают рассмотреть на конференции вопросы о координации военных действий между Западным и Восточным фронтами и об участии СССР в войне с Японией.

Хотя вопрос об участии СССР в войне с Японией был в перечне проблем на последнем месте и до 8 февраля в ходе